

Меры политического воздействия на международные рынки факторов производства как институты создания и трансформации национальных институтов экономического развития.

Михаил Афанасьевич Сорокин
Mikhail Afanasievich Sorokin

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса.
Россия. Владивосток.

Vladivostok State University of Economics and Service. Russia. Vladivostok.
канд. экон. наук, заместитель директора Института международного бизнеса
и экономики

E-mail: sma-vlv@mail.ru. Тел.: 8 423 2404106
ул. Гоголя, 41, г. Владивосток, Приморский край, Россия, 690014.

В статье на основе анализа проявлений глобализации выделен атрибут, обладающий наибольшими признаками института. Показано, что правительства ведущих экономических держав проводят не рыночную, а редистрибутивную внешнеэкономическую политику, направленную на контроль за перемещением факторов производства, а нынешнее положение в регулировании мировой торговли близко к бифуркационному. Выявлены особенности институциональной трансформации при реализации российской стратегии импортозамещения.

Ключевые слова: глобализация, институт, международная торговля, факторы производства, трансформации.

Нынешний этап развития мирохозяйственных экономических связей принято называть глобализацией. Существует достаточно большое число определений феномена под названием «глобализация», однако, мы будем использовать не само это понятие, а его атрибуты (составляющие), предложенные несколько лет назад польским экономистом Гжегожем Колодко. Это либерализация, интеграция и взаимозависимость. Для дальнейшего анализа приведем содержание каждого атрибута. Либерализация – это процесс расширения и углубления свободы вхождения хозяйствующих субъектов во взаимные связи; интеграция – это процесс соединения разнообразных отдельных рынков товаров, капитала и в меньшей степени рабочей силы в один большой рынок; взаимозависимость – это переплетение причинно-следственных и обратных связей между явлениями и процессами, происходящими в различных точках глобального пространства [1, с. 153].

С позиций современной институциональной теории, из трех приведенных атрибутов глобализации, признаками институтов больше обладает именно либерализация как атрибут, во многом основанный на письменных (то есть, формальных) межгосударственных договоренностях. Причем, как двусторонних, так и многосторонних. Эти документы, по нашему мнению, как раз и составляют эксплицитное измерение институциональной матрицы либерализации в частности и глобализации, в целом. Можно утверждать, что до недавнего времени подавляющее большинство эксплицитных норм было направлено одновременно как на унификацию правил и условий мировой торговли, так и на развитие свободы включения хозяйствующих субъектов в мирохозяйственные связи. Здесь и сейчас нет нужды упоминать о положительных или об отрицательных

последствиях либерализации для регионов, стран, отраслей, либо отдельных предприятий – о них написано предостаточно и, порой, очень полярно. Пожалуй, бесспорным будет одно – либерализация (в эксплицитной плоскости институциональной матрицы) открыла значительные потенциальные горизонты для развития международной конкуренции. Правда, вектор либерализации был во многом направлен на построение однополярного мира во главе с США.

В итоге, к началу XXI века глобальное управление мировой торговлей во многом напоминало слова нашего знаменитого соотечественника Д.И. Менделеева «на словах – либерализм, на деле – протекционизм». Особенно яркое подтверждение этих слов можно найти в деятельности современных транснациональных корпораций (ТНК), которые контролируют до 90 % мирового рынка пшеницы, кофе, кукурузы, лесоматериалов, табака, меди, бокситов, но ценообразование внутри ТНК идет не по рыночным законам. Более того, ученые обращают внимание на идеи о политическом подкреплении новой роли ТНК в мире, например, в форме особого представительства в международных организациях наряду с государствами [2, с. 104-105]. Таким образом, признавая на словах примат рынка как одного из двигателей общественного развития, субъекты формирования международных рынков факторов производства (как наднациональные, так и национальные) фактически осуществляют не рыночные, а редистрибутивные функции.

Указанный вывод эмпирически подтверждается той поразительной легкостью, с которой США, Канада, страны Евросоюза, Австралия и Япония ввели секторальные санкции по отношению к России из-за ее позиции в отношении событий на Украине. Видимо, прав был дальневосточный ученый М.В. Терский, в 2011 г. выдвинувший тезис о новой парадигме мирового развития, согласно которой выигрывает не тот, кто минимизирует риски, а тот, кто генерирует их для других. Иными словами, в современном мире нет необходимости откликаться на вызовы и проблемы, гораздо эффективней

оказывается создавать проблемы для других. Так и получилось с крупнейшими российскими нефтяными, газовыми, оборонными и финансовыми структурами. То есть, санкции обращены именно на те отрасли и производства, которые занимают серьезные позиции на мировых рынках и/или имеют высокий потенциал для своего развития. Очевидно, что секторальные санкции в отношении российских компаний не изменят позиции руководства России по отношению к событиям на Украине. Следовательно, они изначально имели целью не изменение нашей позиции, а именно сдерживание российских компаний в их дальнейшем развитии и активном участии в создании мировых цепочек добавленной стоимости. В очередной раз развитые страны – участницы ВТО применяют чрезвычайные меры для спасения собственных экономик [3].

На санкции западных стран, Россия в свою очередь, ответила «асимметрично», закрыв сначала свои рынки для импорта многих видов продовольствия. Сейчас рассматриваются предложения по ограничению ввоза широкого спектра потребительских товаров – от холодильников до автомобилей (в том числе, и подержанных). Аналитики заговорили о «санкционных войнах». На уровне макро- структуры предпринимательской среды можно наблюдать перераспределение экономической власти предприятий отдельных государств, обеспечивающих перераспределение экономической свободы, что, в конечном итоге, не может не привести к изменению характера и условий конкуренции [4].

С позиции институционального анализа, нынешнее положение в регулировании мировой торговли близко к бифуркационному, характеризующемуся «устойчивыми искажениями информации, в том числе предпринимаемыми в политических целях определенными группами для извлечения дополнительных выгод» [5, с. 296]. Дополнительно, по нашему мнению, посредством запретов в отношении российских компаний к доступу к финансовым, техническим и технологическим ресурсам, происходит перераспределение ведущих игроков мирового финансового,

энергетического, оборонного рынка с целью снижения неопределенности в конкурентоспособности между западными и российскими компаниями. В механизмах контроля за мировой торговлей создаются элементы, позволяющие получать выгоду не в условиях прямой конкуренции на товарных рынках, а благодаря искусственно созданным барьерам для развития производств - так сказать, еще на начальном этапе.

Отметим, что в научном мире нет единого подхода в примате экономических изменений и институтов. Одни ученые считают, что институты должны являться «каркасом» экономической политики, которая приводит к запланированным экономическим изменениям, другие считают, что институты сами по себе (в силу выполняемых ими функций или дисфункций) в конечном итоге приводят к экономическим изменениям. Великий Дуглас Норт видит три источника экономических изменений в мире – это демография, объем знаний и институты [6]. То есть, здесь институты являются первичным фактором экономических изменений. С такой позицией можно согласиться, принимая во внимание экономические изменения в мире в целом. Действительно, учитывая наличие нескольких уровней генерирования институтов экономических изменений, единого и единственного источника все-таки не существует, несмотря на существование наднациональных и надгосударственных структур [7, с. 66]. Согласно теории Д. Норты, источниками институциональных изменений являются:

- сдвиги в структуре относительных цен, вызванные изменением цен конечного продукта по отношению к факторам производства, либо к изменению цен одних факторов по отношению к ценам других;

- субъективные модели, через призму которых люди воспринимают и оценивают окружающий мир, и которые зачастую могут являться результатом влияния экономических расчетов [8, с. 41-42].

Очевидно, что источником секторальных санкций в отношении российских нефтегазовых компаний явились расчеты по себестоимости

сланцевого газа, которым через несколько лет собирались «залить» потребителей из стран Европейского Союза газовые компании США. Конечная цена сланцевого газа из США, включающая себестоимость добычи и транспортировки, оказалась на несколько десятков процентов выше, чем российская. Таким образом, здесь переплелись оба нортговских условия – США стремятся нивелировать собственные цены на сланцевый газ относительно российских цен на природный газ, синхронно реализуя идеологический императив обеспечения превосходства американских компаний.

По некоторым оценкам, за пятилетку (с 2008 по 2013 гг.), рост российского экспорта на 65% обеспечивался ростом экспортных цен и лишь на 35% - ростом физического объема поставок [8, с. 12]. Следовательно, можно утверждать, что секторальные санкции (как эксплицитный вектор) являются не источником, а целью изменения цен одних факторов производства относительно других. Такой подход, на наш взгляд, в дальнейшем поможет выявить и осмыслить глобальные закономерности движения международных факторов производства [9, с. 4].

Исследуя причины институциональных трансформаций, нельзя не упомянуть о мнении российского ученого Олега Сухарева, который ставит вопрос о соотношении самопроизвольных институциональных модификаций, происходящих в силу неких внутренних законов институциональных изменений, и управляемых институциональных изменениях, которые планируются и составляют результат деятельности правительств и общественных организаций, а также малых и больших групп интересов [10, с. 128]. Нам представляется, что самопроизвольные институциональные модификации, как раз в силу существования неких внутренних законов, являются по большей части предсказуемыми и эволюционными, а вот управляемые институциональные изменения в силу сложности выявления влияния общественных организаций, малых и больших групп на правительства, являются зачастую спонтанными и непредсказуемыми. Так,

например, в монографии, подготовленной в 2008 г. Институтом мировой экономики и международных отношений Российской академии наук, дается ссылка на Руководство стран ОЭСР по качеству и осуществлению регулирования, в котором политика, инструментарий и институты регулирования адаптированы к условиям XXI века. Один из семи основополагающих принципов этого руководства гласит: «Устранение необходимых торговых и инвестиционных барьеров путем постоянной либерализации, а также усиление внимания к рыночной открытости и лучшей ее интеграции в процесс регулирования...» [11, с. 58]. Очевидно, что данный принцип основан на эмпирических фактах самопроизвольных институциональных модификаций, а не на фактах управляемых институциональных изменений. Санкции, введенные в отношении российских компаний, являются прямым подтверждением тезиса, что национальный капитализм эквивалентного обмена фактически превращается в глобальный капитализм неэквивалентного обмена [12, с. 116].

В середине сентября 2014 г. состоялось заседание Госсовета Российской Федерации, на котором обсуждалась тема развития отечественного бизнеса и повышения его конкурентоспособности в условиях членства России в ВТО. Основной целью заседания было обсуждение новой модели экономического роста в условиях действия обоюдных санкций. Новая модель, по мнению руководителя рабочей группы Госсовета, губернатора Белгородской области Е.С. Савченко, должна основываться на двух составляющих: на импортозамещении и на активном стимулировании внутреннего спроса и потребления. В части импортозамещения планируется в течение ближайших 2-3 лет увеличить долю российских товаров в общем объеме розничного товарооборота на 25%, что составит почти 7 трлн. руб., создаст не менее 1 млн. рабочих мест и увеличит налоговые поступления на 500 млрд. руб. [13]. Идея импортозамещения как реализация одной из форм внешнеторговых стратегий в сфере государственной политики не нова [14, с.

74-77]. Однако, обсуждение положительных и отрицательных последствий импортозамещения оставим за пределами данной статьи.

Для успешной реализации модели импортозамещения, совмещенной со стимулированием внутреннего спроса, предлагается несколько направлений, среди которых можно отметить:

- формирование перечня проектов, направленных на импортозамещение, и снабжение их механизмами господдержки, включая доступ к кредитным ресурсам под 3-4% годовых;

- устранение дискриминационных отношений между кредитными финансовыми организациями и реальным сектором экономики;

- отказ от искусственного завышения курса рубля;

- отказ от моратория на изменение налогового законодательства;

- отказ от хронического недофинансирования науки;

- отказ от проведения поспешных, не подвергнутых глубокой оценке, реформ;

- отказ от неэффективного управления экономикой с упором на проектное управление с выстраиванием межведомственных вертикалей управления [13].

Очевидно, что большая часть направлений может быть реализована только посредством трансформации соответствующих институтов, то есть, путем модификации одновременно как эксплицитных, так и имплицитных норм. Причем, затронуты будут самые до сих пор стабильные и закрытые институты – финансовая система, налоговая система, государственное управление. Основное влияние такие преобразования окажут на устойчивость развития национальных предпринимательских структур [15]. Это обстоятельство потребует, на наш взгляд, серьезной научной проработки последствий столкновения институциональных преобразований, проводимых на эксплицитном уровне, с реальными экономическими отношениями и практикой взаимодействия хозяйствующих субъектов и государственных органов, существующих на имплицитном уровне. Самое опасное – это

возможность превалирования прежних неформальных отношений над новыми формальными правилами, как это уже было в нашей недавней истории [16, с. 112].

Библиографический список

1. Колодко Г.В. Мир в движении: пер. с пол. / Г.В. Колодко. – М.: Магистр, 2009. – 575 с.
2. Кушлин В.И. Траектории экономических трансформаций / В.И. Кушлин. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2004. – 310 с.
3. Латкин А.П. Современный подход к принципам формирования и функционирования международных экономических организаций // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2009. - № 2. – с. 11-16.
4. Ворожбит О.Ю., Зубова Н.В., Корень А.В. Структура предпринимательской среды: определяющие факторы. // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2010. - № 4. с. 121-128.
5. Сухарев О.С. Институциональная теория и экономическая политика: К новой теории передаточного механизма в макроэкономике: в 2 кн. Кн. 1.: Институциональная теория. Методологический эскиз / О.С. Сухарев. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2007. – 516 с.
6. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана; Гос ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Гос ун-та – Высшая школа экономики, 2010. – 256 с.
7. Субботин А.К. Гиперконкуренция и эффективность управления: Анализ экономики стран – лидеров современного мира: Взгляд из России / Предисл. В.Л. Макарова. – М.: Книжный дом «ЛИБЕРКОМ», 2012. – 288 с.
8. Лебедев Д.С. Институциональная трансформация внешней торговли России. / Д.С. Лебедев. – Москва: Экономика, 2013. – 159 с.

9. Логинов Б.Б., Руднева А.О. Международные факторы производства в национальных экономиках: Монография. – М.: ИНФРА-М, 2012. 312 с.
10. Сухарев О.С. Институциональная теория и экономическая политика: К новой теории передаточного механизма в макроэкономике: в 2 кн. Кн. 2.: Экономическая политика. Проблемы теоретического описания и практической реализации / О.С. Сухарев. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2007. – 804 с.
11. Мировая экономика: прогноз до 2020 года / под ред. Акад. А.А. Дынкина / ИМЭМО РАН. – М.: Магистр, 2008. – 429 с.
12. Структурная и институциональная модернизация экономики России: секторальный анализ в контексте мирового развития / Отв. ред. Ю.В. Куренков; Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. – М.: Наука, 2006. – 415 с.
13. Информационный центр Aftershok: веб-сайт. – Режим доступа: (<http://aftershok.su/?q=node/258328> (дата обращения: 25.09.2014)).
14. Промышленная политика и международные отношения в 2-х кн. Кн. 1: Международная торговля / под общ. Ред. Ю.В. Кузнецова. – Челябинск: Социум, 2005. – 362 с.
15. Терентьева Т.В., Бобырева М.А. «Устойчивое развитие предпринимательской структуры» как категория. Концептуальные подходы к трактовке категории «устойчивость развития» предпринимательской структуры. // Российской предпринимательство. – 2011. - № 1-2. с. 52-56.
16. Нуреев Р.М. Россия: особенности институционального развития / Р.М. Нуреев. М.: Норма, 2009. – 448 с.